

М. Тирта

КУЛЬТЫ ПРИРОДЫ У АЛБАНЦЕВ И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ В БАЛКАНСКИХ ДРЕВНОСТЯХ

Основываясь на многочисленных исследованиях и широкой документации фактов, Дж. Фрезер пришел к выводу, что сельские жители Центральной и Юго-Восточной Европы в глубине души оставались язычниками. При внимательном рассмотрении это мнение не вызывает удивления: люди, жизнь которых протекала в тесной связи с природой – и в хозяйственном отношении, и в плане духовной жизни, сохранили реликты индоевропейской древности в верованиях, мифах и обрядах. Этот древний подслон ясно прослеживается в фольклоре крестьян-горцев всех балканских народов эпохи средневековья.

Многочисленные проявления культов природы и соответствующих им персонажей народных верований, сохранившихся до самого недавнего времени, привлекали внимание многих специалистов, изучавших албанскую этническую культуру. Интересные сведения о культах природы можно найти в многочисленных лингвистических исследованиях, фрагментарных заметках, дневниковых записях многих авторов. Среди них достойны внимания А. Буйе, Дж. Ган, Ф. Нопча, Э. Доргем, М. Ламбертц, Шт. Гечови, Б. Паляй, Э. Чабей и многие другие.

В своих существенных чертах и архаических формах упомянутые культы, хранящие отзвуки древнего пантеона, проявлялись в XIX и даже в начале XX в., а кое-где и после второй мировой войны в некоторых горных областях, там, где характер хозяйства был близок к натуральному, а связи с городскими центрами затруднены. Такими зонами были горные районы Северной Албании (особенно замкнутые котловины Албанских Альп), области Лябрии и некоторых других местностей¹.

Следует остановить внимание на двух персонажах народных верований, бытующих в обозначенном пространстве: на женском образе – «Зана» и на мужском – «Священный пастух». Эти образы – наследие веры в божества первозданной, не нарушенной человеком природы. Корни их прослеживаются в общем контексте культов природы. В албанском ареале они бытуют как реминисценции древнего балканского пантеона.

Зана – центральная фигура народных верований, она заняла особое место в албанском средневековом героическом эпосе, фигурирует в некоторых средневековых балладах, мифах и других жанрах устного народного творчества. Этот персонаж в его полном воплощении предстает как синкретический образ, впитавший различные локальные верования и обряды.

В народных представлениях Зана выглядит как молодая прекрасная женщина или девушка, одетая в свадебный костюм. В Албании в каждой местности имеется свой традиционный наряд невесты, поэтому Зана в местности Мальсии-э-Мадэ показывается одетой в джублету (длинную колоколообразную юбку из плотной шерстяной материи, какую носят только в Мальсии), в Гьякове она, конечно, одета в местный костюм, в Мирдите – в традиционный костюм мирдиторов, в Лябрии предстает в одежде лябов, то же самое можно сказать о Зане из Чамерии, Дибры, Тетово, Ругово и т.д.

Жилища этих прекрасных дев находятся в пещерах и чащах непроходимых лесов, недоступных для людей, где-нибудь над обрывом, на уступе скалы. Многие чем-либо примечательные места носят характерные названия: в местности Никай и Мертури находится Shkambi i Rajës или Shkambi i Zanave («Скала Заны»), в местности Кельменди – Shpella или Shkambit të Kuq («Пещера красной скалы») и Rrasa e Zanës («Камень Заны»), в Темали и Пульги показывают Mrizi i Zaneve («Заново укрытие»), в Пейе – Kërshi i Zaneve и Logu i Zaneve («Полянка Заны»), в Химаре около Вуно

находится Perroi i Zërës («Ручей Заны» или «Шумный поток»), в Парамити в Чамерии обнаруживают Shpella e Zërës («Гудящую пещеру») и т.д. и т.п. Что касается горных вершин, где располагаются летние пастбища, то и они имеют особые названия, которые обозначают буквально «Зана такого места»: Zana e Veliçikut, Zana e Shkëlzenit, Zana e Vizitorit, Zana e Pashtrikut, Zana e Sharrit.

По народным легендам, Заны едят и отдыхают в своих укромных уголках, меж обомшелых камней в тени вековых деревьев. По ночам в лунном свете они купаются в ручьях, стекающих по горным склонам. Заны имеют детей и баюкают их в колыбелях, играют с ними, поют, водят хороводы, играют на музыкальных инструментах. Нигде не упоминается о семейной жизни этих дев, в некоторых местностях уверяют, что они производят на свет детей, не вступая в контакты с мужчинами. Очевидно, эти легенды следует связать с древними сказаниями об амазонках, известных в Передней Азии.

Как правило, в народных легендах фигурируют три Заны, каждая из которых выполняет свою определенную функцию; в других текстах рассказывается о двух или даже об одной Зане. Они могут перевоплощаться в дикую козу или же в трех диких коз, в косулю, дикого кабана, голубку. Но если случится, что эти атрибутивные животные погибают, то и Заны лишаются своих свойств и могут погибнуть в тот же миг.

Заны обладают сверхъестественными свойствами: могут наделять людей чрезвычайной силой, оберегать их от опасностей. Герой одной из эпических легенд – Муйо – в детстве был болезненным и слабосильным. Однажды он сделал доброе дело для Зан: обнаружив в лесу на скале их детишек, он укачал их в колыбельках. Благодарные Заны предложили ему любую награду, и он попросил у них силу. Одна из Зан три раза дала ему испить молока из своей груди, и он стал так силен, что смог поднять огромную глыбу (по другому варианту – вырвать с корнем могучий дуб):

«И сказала одна Зана своей подруге:
– Дай Муйо молоко своей груди,
Дай испить ему молока из груди!
Три капли парень выпил
И бог дал ему такую силу,
Что мог глыбой каменной играть.
– Подыми камень! – сказала Зана.
Больше тысячи ок был тот камень.
И подвинул он камень в тысячу ок,
Свободно рукой подвинул,
Но не смог поднять и до колена.
И тогда сказала Зана своей подруге:
– Еще раз дай Муйо молока!
И снова испил Муйо молока,
И снова попробовал камень,
Поднял его до колен,
Но тотчас опустил его на землю.
Понаблюдала все это Зана и сказала:
– Ну еще разок дай грудь Муйо!
И опять та дала испить Муйо.
И дал же бог ему силу!
Ухватил он камень
И до самого пояса поднял.
А Зана посмотрела, поразмыслила
И сказала она другой:
– Дать бы ему снова грудь!
И дала она испить Муйо из груди.
Ну и силищу он почуял,

Схватил он камень
Да и взвалил себе на плечи,
Камень весом в тысячу ок он держал!
И сказала Зана своим подругам:
– Больше не надо давать грудь Муйо,
Потому что после следующего глотка
Он перевернет всю землю»².

В других вариантах легенды Заны дали Муйо выпить сок волшебной лесной травы, которую только они могут отыскать, после него он обрел богатырскую силу. Иные легенды повествуют, как ослепший богатырь излечился благодаря соку трех лесных трав, и глаза его стали зорче, чем прежде, или же зрение ослепшему воину вернулось после умывания в ручье, текущем по каменистому ложу, известному лишь Занам. Сверхъестественным образом Заны помогают богатырю в бою: в минуту опасности в его кармане вдруг обнаруживается нож³.

При определенных обстоятельствах Заны могут оказаться смертельными врагами людей, особенно когда те нарушают их покой или наносят вред природе: они могут искалечить обидчика, лишить его рассудка и даже умертвить. Они разрушают и сжигают созданное крестьянином, если он пытается возделывать для себя новый земельный участок в лесу, сжигают траву, которую косари скосили на лесной поляне. Если люди рубят лес на дрова в убежище Заны, на священном месте, где растут вековые деревья, возле ключей, их постигает несчастье: или они повредят себе руку либо ногу, или ослепнут и т.п. Со всей очевидностью Заны охраняют чистую природу от вмешательства человека. Такие сказочные сюжеты весьма примечательны.

В некоторых сказаниях встречаем иные варианты: Заны и богатыри становятся побратимами, и Заны помогают людям. Надо полагать, что это противоречие отражает различные уровни религиозных воззрений на природу в соответствии с разными этапами общественного развития⁴.

В тех местностях, где сохранился культ Заны, горцы избегают произносить ее имя всуе, они предпочитают употреблять эвфемизмы: Shtojzavalle («Заводила хоровода»), Shtojzorreshtat («Ведущая плясовой ряд»), Речная, Молодица гор, Добрая судьба, Хорошая, Белая. Эти эвфемизмы относятся к кругу представлений о том, что священное имя не должно произноситься часто, что это тяжкий грех.

Согласно поверьям горцев, места, где потоки сбегают по камням, где растет густой лес, – «тяжелые», т.е. опасные, там Заны совершают свои мистерии, человеку надо их опасаться. Сакрализация определенных лесных чащ или могучих деревьев в горах, которые находятся зачастую вблизи источников, связывает древний образ Заны с религиозными представлениями в их различных стадиях: языческой, христианской, мусульманской, а также с древними кладбищами, с сюжетами эпических сказаний.

Чрезвычайно характерно объединение культа Заны с культурами горных вершин, с их сакрализацией. Культ гор во всей их значительности сохранился в обычаях совершать паломничество на вершины и приносить там жертвы. До сих пор практикуются восхождения, сопровождаемые принесением жертвы скотом, – на вершину горы Томори вблизи Берата, на гору Кэндравицы в Лябрии, на Гьялицу в окрестностях Кукеса, на Паштрак в Хаси, на Румие в Черногории, на вершину горы Св. Ильи и на вершину Буканик в местности Шпат в Средней Албании.

В культе священных гор прослеживается смешение различных верований: культа солнца⁵, бога грома и молнии, почитания особо примечательных вершин и некоторых древних захоронений на них, а позднее – христианских и мусульманских могил. Все эти одновременные наслоения совместились в сложном комплексе вокруг образа Заны – мифического существа, обитающего на вершинах гор, на высокогорных луговинах. Празднества в честь перечисленных выше священных вершин – горы Томори, Кэндравице, Паштрака – и почитание Зан, приходится на одну и ту же дату – на 15 августа, т.е. на день, посвященный римской Диане, а позже – христианской деве

Марии. Отправление этих культов сопровождалось паломничеством на вершины гор. Во многих случаях, согласно легендам, в жертву приносили именно тех животных, которые были атрибутами Заны, – ланей и диких коз. Об этом, в частности, достоверно известно по отношению к вершинам Буканик и Святого Ильи (кстати, и легенды о Занах оведают их еще очень живо).

Каждый паломник приходил к священным местам, в том числе к определенным пещерам, со своими просьбами: девушки надеялись на счастливое замужество, женщины – на рождение детей и на их здоровье; больных детей приносили в пещеры, ожидая чудесной помощи; оставляли в пещерах деньги, подносили дары, символические предметы. Пещеры не обязательно связывали с культом Заны: некоторые из них носили имя Св. Георгия или предшественницы Заны – Счастливой судьбы (Fatmira). Ясно, что обычай паломничества восходит корнями к древнему образу священной защитницы женщин, женского начала в целом. Но что же это было за божество? Думается, что это богиня гор – предшественница Заны. Некоторые пещеры носили ее имя – Счастливая судьба (Fatmira). Итак, Зане как мифическому персонажу с ее атрибутикой предшествовала богиня гор, нетронутой девственной природы, охранительница зверей, растительности, священная охотница. Она же – воительница, сверхъестественными способами помогающая богатырям. В этой последней ипостаси она сопоставима с воительницей Афиной, покровительствовавшей героям под стенами Трои⁶.

Зана – это исходная ипостась богини, сопряженной с женским миром. Наряду с ней народные верования знают и бога гор и лесов, олицетворяющего мужской мир. Это «Добрый человек», или «Святой человек», «Святой мужчина» (Njerriu i Mire, Njeriu i Shenjte), который известен так же под именами Gjindi (от лат. gentius), Св. Мартина (Shen Martini), Хазрети, или Хазери (Hazreti, Hazreti, Hezëri, Hezri), «Зеленого человека» (Njeriu Jeshul). Народные поверья приписывают ему две функции. Прежде всего он – повелитель волков, которым он может дать пищу, но может и наказать. На прокорм он дает им несколько зеленых ягод или же посылает их задрать указанную им скотину в крестьянском стаде. При желании он может связать пасть волку, что и делает в наказание за проступок. Во-вторых, эти существа охраняют крестьянский скот, за что люди совершают в их честь моления на вершинах гор.

Нетрудно заметить, что во многих фольклорных текстах Св. Георгий наделен теми же свойствами, что и Священный пастух: он также покровительствует волкам и определяет им мелкую скотину в пищу. Подобно Священному пастуху, он оберегает свое стадо. На празднествах с явной скотоводческой основой имеют место ритуалы, направленные на охрану скота от волков, в центре которых оказывается Св. Георгий. Накануне Георгиева дня и после него держали пост, для того чтобы уберечь скот от нападения волков. Названия некоторых пещер связано с именем Св. Георгия, хотя ранее в них явно звучали наименования священного пастуха. Нельзя утверждать, что проблема уяснена до конца, однако надо принять во внимание, что на территории современной Болгарии в древности (XI–VII вв. до н.э.) был культ какого-то святого, которого позже заместил Св. Георгий⁷. Наследование христианским святым свойств более древнего божества дикой природы явствует и из верований других европейских народов, в которых фигурирует та же атрибутика⁸.

Эти фантастические существа, согласно народным легендам, обитают на горных вершинах. Каждый из них живет в пещере в полном одиночестве. Они гигантского роста, одеты в зеленые одежды. Того, кто нарушит их покой, они могут уничтожить, подобно тому, как поступают Заны. Образ их жизни таинственен. Они могут лечить людей при помощи лесных растений или чудодейственной воды, почерпнутой в только им ведомых источниках. Если исчезают они, то исчезают и источники. Если кто-либо не выполнит требование Доброго человека или нарушит покой его владений, он приходит в ярость. Четко прослеживаются параллели этого персонажа со Священным пастухом, известным в сербском фольклоре, образ которого охарактеризовал В. Чайканович⁹. Здесь ясно проявление древних палеобалканских ве-

рований, которые туманными видениями пребывают в сегодняшнем фольклоре балканских народов.

Совершенно очевидно, что в нынешней их трактовке описанные здесь мужские и женские фольклорные персонажи – отзвуки древних верований балканских народов, пантеона их божеств, корни которых восходят к иллиро-фракийскому миру, испытывавшему, конечно, и греко-римское влияние. Но определить, какое население создавало эти причудливые мифы, ныне довольно затруднительно. Дело в том, что длительный исторический период этнической истории от древних иллиро-фракийцев до сегодняшних албанцев весьма туманен, известия о нем фрагментарны; надо принять во внимание и изменения на этнической карте в раннем средневековье, и скудость источников последующих эпох, которые могли бы пролить свет на этносоциальные процессы, в результате которых в народном сознании языческие верования сохранились вплоть до нового времени. Проблема запутана также и в литературе, тенденциозно трактующей этническую историю балканских народов, якобы имеющих греко-римское происхождение, как будто на полуострове не было другого населения кроме древних греков (безусловно, нельзя отрицать влияния греческой и римской цивилизаций на эти народы, но межэтнические отношения были не односторонними, а многолинейными, обоюдными).

Известную преемственность языческих верований от иллиро-фракийцев до сегодняшних албанцев и румын следует рассматривать в комплексе как составную часть этнического наследия наряду с языком, древними обычаями и обрядами, наряду с оригинальными местными костюмами, обычным правом, особым ритуалом оплакивания покойника и т.д.

Некоторые авторитетные ученые предполагают, что образы Заны и Священного пастуха албанского фольклора имеют иллирийское или иллиро-фракийское происхождение, но испытали определенное влияние греческое и римское. Однако надо принять во внимание, что культ бога-волка был очень распространен в Иллирии и во Фракии. В тесной связи с этими верованиями возникли некоторые топонимы и этнонимы. Среди них – иллирийские: *Faunus-Daunus* (название одного из иллирийских племен), *Likaon-Lucanius* (иллирийское племя в итальянской Апулии), *Candaviensis* (иллирийское племя), горы *Candhaon*. Это последнее название, согласно лингвистическому анализу, означает «душитель собак», т.е. волчье божество¹⁰. Древнеримский Марс и иллирийский Робигос (*Robigus*) имели одинаковую ипостась – бог-волк, которая восходит к глубокой древности. Топониму *Ulcinium* (*Ulcinion*) на албанском соответствует *Ulk*, *Ujk* (волк), что имеет прямую связь с тотемом Священного волка: известно, что культ его был во Фракии. Дакийские воины приобретали сверхъестественную силу при помощи священных волчьих атрибутов, согласно сообщению известного ученого М. Элиаде. Можно предположить, что культы прадедовских времен, связанные с волчьими сюжетами и с верой в Священного пастуха и Св. Георгия, известные среди албанцев, сербов и румын, суть не что иное, как реинициации древнебалканской мифологии¹¹.

Густав Мейер в своем «Этимологическом словаре» объяснял имя иллирийской богини Таны (*Thana*) через одну из четырех посвященных надписей в Топуско (в Боснии), полагая, что это имя древней албанской богини Заны. Анализируя древнее поклонение албанской Зане, Норберт Йокль находил весьма возможным видеть корень ее имени в слове *Za* («звук», «голос»), а еще вернее – в контаминации этого слова и имени римской Дианы, в результате чего сложилось имя иллирийской богини¹². Это предположение поддержал Эчрем Чабей, который посвятил разбор образа богини специальное лингвистическое исследование¹³. Константин Иречик также подтверждал иллирийское происхождение албанской Заны, невзирая на скудость сведений, дошедших от той эпохи.

На территории расселения иллирийцев от Паннонии до Амбраки выявляются свидетельства, – более или менее точные и для древней эпохи, и для более позднего времени, – о веровании в божества-покровителей девственной природы, лесов, гор,

источников, диких животных. Сохранились некоторые их имена: Биндус, Тана, Видасус, Ика, Латра. Другие персонажи, по нашему мнению, могут быть поняты как божества-охранители местности. В греческом и римском пантеон это Артемида, или Диана, Пан, Сильван и др.¹⁴ В разных местах, по которым в античные времена пролегали дороги от северных пределов Иллирии до Амбраки, находятся следы храмов и алтарей, воздвигнутых в честь богини Дианы. К востоку от г. Эльбасана в гористой местности в пределах расселения фиса (албанская родо-племенная единица) Кандави заметны следы храма Дианы Кандавской (*Diana Candainsis*), которую нынешние жители тех мест именуют богиней Кандавов, не называя собственным именем. Следовательно, перед нами – знаковый по эпическим сказаниям образ духа (божества)-хранителя местности. Поклонение Диане известно в Македонии, особенно среди женщин. Памятники-алтари находились в окрестностях Подгорицы в Черногории и Дурреса в Албании¹⁵. Святилище в честь Дианы воздвигнуто в местности Парамити в Чамерии (Южная Албания). Еще Страбон сообщал, что возле реки Тимавус под Сплитом сакральный лес посвящен Диане. И действительно в окрестностях Сплита имеется много памятников – мест поклонения этой богине. Вообще же в Далмации открыто большое число памятников в честь Диана или других богинь природы, иногда упоминаются их имена, в некоторых случаях их сопровождают атрибутивные животные – дикие козы, или перепелки или же собаки – атрибуты Дианы-охотницы. В других вариантах изображаются вместе три Дианы: одна побольше размером, а две другие – поменьше, подобно тем трем Занам, которые фигурируют в албанской мифологии.

В некоторых легендах Диану сопровождает Сильван и Видасус. Иногда упоминаются вместе Видасус и Тана.

Сильван зачастую изображается с козьими рогами на голове, точно также, как пастушеское божество, которое албанские горцы вырезают на грифах своих струнных ляхут¹⁶. На некоторых рельефах, обнаруженных на территории Далмации, Диана одета в иллирийские, а не в римские одежды: ее головное покрывало, платье, длинная рубаша, собранная в складки, – все это элементы современной одежды албанских горянок, не изменившейся с иллирийских времен¹⁷. К такому выводу пришли известные ученые Ф. Нопча, М. Хаберляндт, Р. Зойзи, А. Гёрги и др. Все указывает на образ местной иллирийской или иллиро-фракийской богини, который унаследовала албанская зана, разумеется, не избегнув и греко-римского влияния: выше уже упоминались языческие обряды, совершаемые 15 августа на некоторых священных горных вершинах – Томори, Кэндравица, Гьялица, Паштраку и др. которые свидетельствуют о влиянии культа римской Дианы.

Большой интерес представляет сравнение имен Дианы и румынской Зыне-Зина в свете параллельной эволюции имен от иллиро-фракийцев к албанцам и румынам¹⁸. Среди этих народов сохраняется не только имя богини, но в еще большей степени общие ее атрибуты. М. Элиаде полагает, что Зына – это центральная фигура румынского фольклора, ясное свидетельство континуитета; дако-румынская Диана – не что иное, как фракийская Артемида Бендис, упоминаемая Геродотом. Ученый замечает, что хотя этот мифологический образ не до конца еще прояснен, можно не сомневаться, что под именем римской Дианы скрывается местная богиня, культ которой сохраняется среди румын до сегодняшнего дня¹⁹.

Весьма интересно, что албанская Зана так же, как ее румынская сестра, определяет жребий жизни и смерти людей, что, по нашему мнению, указывает на глубокие иллиро-фракийские корни этих образов. Можно назвать и иные этнокультурные элементы древнего происхождения: особый прием оплакивания покойника, языческие знаки на могильных памятниках и др. Вспомним и о других божествах Иллирии и Фракии с аналогичными именами и атрибутами – например, о фракийском мужском персонаже Биндусе и женском Бендис²⁰. Не один ли это персонаж, невзирая на различие полов? Бендис занимала очень важное место во фракийском пантеоне. Она оказала влияние и на греческий мир: весьма показательно, что только в Аттике

известны четыре храма этой богини. В этом божестве природы и источников нельзя увидеть местный вариант иллиро-фракийского божества. В этой же связи заслуживают внимания языческие алтари на вершинах гор, возвышающихся в пределах Иллирии и Фракии, таких, как Томор вблизи Янины, Хаем в Родопах, Пангео в Пеонии и целый ряд других²¹. Все они тесно связаны с горными божествами – как упомянутыми выше, так и с другими. И Томори в Албании определен исследователями как священная гора с античных времен вплоть до нынешних. Как и некоторые другие горные вершины на албанской земле, ныне это место паломничества, для которого характерны наслоения многих религий. На эти священные места по-прежнему совершаются восхождения, на них выполняются обряды, ритуальные ночлеги, т.е. весь набор действий, относящихся к культуре природы и соответствующих божеств.

Надеемся, что дальнейшие исследования помогут разъяснить темные пока что места в комплексе культов природы. Настоящую работу следует рассматривать лишь как первый шаг в этом направлении.

Примечания

¹ *Tirta M.* Eléments illyriens de culte qui se retrouvent chez Albanais // Premier Coloque des études illyriennes. T. II. Tirana, 1976; *idem.* Des stratifications mythologiques dans l'épopée légendaire // Culture populaire albanaise. T. V. Tirana, 1985.

² Këngë popullore legjendare. Tiranë, 1955. F. 129.

³ Bota shqiptare. Tiranë, 1943; Chansonnier epique albanais. Tirana, 1983.

⁴ *Tirta M.* La mythologie dans l'épopée légendaire // Ethnographie. T. LXXXV. P. 2. № 106. P., 1989.

⁵ *Pettazoni R.* Antichi culti solari nella Penisola Balcanica // Revista d'Albania. V. II. Fasc. II. Milano, 1941.

⁶ *Tirta M.* Shtrësimet mitologjike në epikën legjendare // Kultura popullore. 1983. № 2. F. 92.

⁷ *Арнаудов М.* Студии върху българските обреди и легенди. Т. I. Ч. II. София, 1971; *Балаишев Г.Д.* Старо-тракийски светилишта и божества. София, 1934; *Тодоров Е.К.* Древнотракийско наследство в българския фолклор. София, 1972.

⁸ *Stipčević A.* Simbolet e kultit të ilirët. Prishtinë, 1983. F. 181–189.

⁹ *Чайкановић В.* Мит и религија у срба. Београд, 1973. С. 307–462.

¹⁰ *Borgeaud W.* Les Illyriens en Grèce et en Italie. Etude linguistique et mythologique. Geneve, 1943.

¹¹ *Кулишић С.* Из старе српске религије. Београд, 1970.

¹² *Saglio E.* Dictionnaire des Antiquités gréco-romaines. V. I. Fasc. II. P., 1892 (Diana – Artemide, Bendis).

¹³ *Çabej E.* Diana dhe Zana // Studime gjuhësore. Prishtinë, 1975.

¹⁴ *Beschi L.* Bendis, grande dea dei Traci, ad Atene // Studi Traci. Roma, 1992; *Chirassi I.* Mitieculți arcaici di Artemis nel Peloponneso e Grecia Centrale // Istituto di Storia Antica. № 3. Trieste, 1964.

¹⁵ *Ferri R.* Prilog poznavanju ilirske mitologije // Anali. God. II. Dubrovnik, 1953. *Heuzey L., Daumont H.* Mission archéologique de Macédoine. P., 1876. *Касаров И.* Нови иследования върху религијата на старите Траки. София, 1974.

¹⁶ *Rendić-Miočević D.* Ilirske predstava Silvana na kulturnim slikama sa područja Dalmata // Glasnik Zemaljskog muzeja. № 5(10). Sarajevo, 1955.

¹⁷ *Stipčević A.* Iliri. Povijest, život, kultura. Zagreb, 1989. S. 96–99.

¹⁸ *Simionescu P.* Ver l'au-dela // Etnologica. București, 1983; *Vulcanescu R.* Mitologie Române. București, 1985.

¹⁹ *Eliade M.* De Zalmoxis à Gengis Khan. P., 1970.

²⁰ *Beschi L.* Op. cit.

²¹ *Svoronos J.N.* L'Hellénisme primitif de la Macédoine prouvé par la numismatique et par l'or du Pangée. Paris: Athen, 1919.

M. Tirta. Nature Cults and its Parallels in Balkan Antiquities

There is a layer of paleobalkan beliefs in folk of many Balkan peoples which concern to large sections of Indo-European culture. In some highlands the cults reminiscences of spirits/gods – the protectors of clear unaffected by human nature – are remained till the beginning of 20th c (in some places till the middle of the century). In Albania it is personage-woman Zana (in many features her person approaching with ancient goddess Artemida-Diana) and personage-man – Kind Man whose cult in some cases was changed on Saint George one. Partially these beliefs were included in local Moslem tradition.